

Фу Цзиньюй подул на чай в своей чашке и спокойно сказал:

— Учитель Чжан, вы, видимо, очень легко поддаётесь эмоциям. Насколько я знаю, это не первый раз, когда вы «действуете сгоряча». Если вы так часто «перегреваетесь», может, стоит сходить к врачу.

Сунь Тэньюнь нахмурился:

— Учитель Фу, директор задаёт вопросы, а вы вмешиваетесь?

Директор с улыбкой попытался сгладить ситуацию:

— Учитель Фу такой человек, я понимаю, ничего страшного.

Сунь Тэньюнь выглядел ещё более раздражённым. Он бросил злобный взгляд на Фу Цзиньюя, а затем посмотрел на Чжан Цзяня с мрачным выражением, что заставило и без того нервного Чжан Цзяня ещё больше забеспокоиться, опасаясь, что на этот раз заместитель директора не станет его защищать.

К счастью, Сунь Тэньюнь, похоже, ещё не сдался. Он сказал:

— Если мы не можем разобраться, давайте вызовем того ученика.

Сегодня был день объявления результатов, но учителя отсутствовали. В атмосфере ожидания оценок и слухов о том, куда делись учителя, утренняя самоподготовка проходила в напряжённой обстановке.

Цзян Чэнь, увлечённо читая книгу «Дискретная математика», был прерван своим одноклассником, сидящим перед ним. Тот, взволнованно стукнув по столу, сказал:

— Цзян, слышал, сегодня учителя отсутствуют из-за того случая на экзамене, когда Чжан Саньмао тебя оклеветал. Они все в малом зале заседаний, проводят совещание.

— От кого ты это узнал? — Цзян Чэнь закрыл книгу, заинтересовавшись.

— Я опоздал, — с гордостью ответил парень. — Пробрался через забор и как раз проходил мимо административного здания, когда учителя шли туда. Я услышал их разговор, вроде бы какой-то родитель позвонил директору, чтобы узнать правду об этом деле. Говорят, что этот родитель — важная персона, и он требует, чтобы школа провела расследование. Поэтому и собрали экстренное совещание.

Цзян Чэнь задумался. Он знал, что это дело станет известно, но не ожидал, что оно распространится так быстро и широко. Однако для него это было скорее плюсом.

Его одноклассник вдруг перестал улыбаться и с тревогой в голосе спросил:

— Цзян, как ты думаешь, тебя вызовут туда? Это дело так раздули, не повлияет ли это на тебя?

— Не переживай, не повлияет.

Несколько человек наклонились ближе, их лица выражали беспокойство. Цзян Чэнь, подумав, сказал:

— Это дело начал учитель Чжан, и именно он ворвался в класс во время экзамена, прервав нас.

Это могут подтвердить ученики трёх классов в восточном крыле. К тому же, там были и другие учителя, они бы не позволили учителю Чжану оклеветать меня. Так что не волнуйтесь.

Услышав это, одноклассники немного успокоились. Кто-то недовольно пробормотал:

— Надо было сразу швырнуть эти листы ему в лицо, тогда бы он не смог тебя обвинить.

Цзян Чэнь улыбнулся:

— Сейчас тоже не поздно.

Тогда Цзян Чэнь мог бы сразу вытащить листы, но это, во-первых, подтвердило бы действия Чжан Чжипэна, во-вторых, подорвало бы его имидж в глазах учителей, а в-третьих, если бы дело было закрыто, обсуждения прекратились бы. Только пока что-то остаётся неясным, люди будут спорить и обсуждать с большим энтузиазмом.

Именно потому, что никто не знал, были ли в ящике Цзян Чэня те «пропавшие экзаменационные листы», все начали строить догадки. Ученики первого класса верили в честность Цзян Чэня и знали, что он не мог украсть листы, но ученики других классов и других возрастов, не знавшие его лично, не были так уверены. Они сомневались, спорили, и это делало их идеальными распространителями слухов.

Кроме того, самое главное, Цзян Чэнь знал, что это дело обязательно раздуется, и после этого состоится разговор. В этот момент он, держа в руках те самые исчезнувшие листы, станет главным в этом разговоре.

Однако всё это Цзян Чэнь не стал рассказывать своим наивным одноклассникам. Чистая радость, добро и зло, а также искренность и честность — это лучший подарок, который время преподносит в этом возрасте.

Тук-тук-тук.

Учитель математики стоял у задней двери и позвал:

— Цзян Чэнь, выйди ко мне.

Когда Цзян Чэнь подошёл к двери, Фу Цзиньюй, увидев, что у него ничего нет в руках, нахмурился:

— Ты выбросил те листы, которые Чжан Цзянь подбросил тебе в ящик?

— Нет.

— Иди, возьми их и пойдём. Потом швырнёшь ему в лицо.

Цзян Чэнь: ...

По пути в административное здание Фу Цзиньюй сказал всего три фразы.

Первая:

— Ничего не бойся, я хочу взять тебя на олимпиаду, никто тебя не тронет.

Вторая:

— Когда увидишь директора, будь вежлив, а с Чжан Цзянем не церемонься, веди себя так же, как на экзамене.

Третья:

— Если заместитель директора Сунь что-то скажет, притворись немым, я за тебя отвечу.

Цзян Чэнь кивал, сохраняя вид послушного ученика, но в душе ему было немного странно.

Раньше он никогда не знал, что учитель Фу такой... прямой?

Кроме того, возможно, из-за того, что воспоминания о старших классах у него были скудными, в его памяти учитель Фу всегда был строгим и редко общался с учениками вне уроков. Единственное, что он помнил, это то, что он был его учителем математики в старшей школе, а также тот момент, когда он пришёл за дипломом в университет Наньши, и учитель Фу вздохнул: «Жаль».

О чём было жаль, тогда Цзян Чэнь не задумывался, но теперь, вспоминая, он вдруг понял.

В своей первой жизни учитель Фу никогда не говорил о том, чтобы взять его в класс олимпиадной подготовки. Почему же в этой жизни он заговорил об этом, да ещё с такой уверенностью, как будто это было давно обдуманное решение?

Единственное отличие, которое Цзян Чэнь мог найти, это то, что в первой жизни он, столкнувшись с семейными трудностями, сдался, а в этой жизни, после кратковременного срыва, он пришёл в себя.

Так что, вероятно, когда учитель Фу сказал «жаль», он имел в виду, что Цзян Чэнь мог бы достичь большего, но, не справившись с трудностями, он выбрал путь, который никогда бы не рассматривал в другой жизни.

Административное здание находилось недалеко от учебного корпуса, и Цзян Чэнь с Фу Цзиньюем быстро добрались до малого зала заседаний.

Фу Цзиньюй шёл впереди, а Цзян Чэнь следовал за ним, словно под защитой. Они вошли в зал, и Фу Цзиньюй подвёл его к директору, усадив рядом.

Директор с улыбкой сказал:

— Цзян Чэнь, ты пришёл.

— Здравствуйте, директор. — Цзян Чэнь не сел сразу, а вежливо поклонился остальным учителям. — Здравствуйте, учителя.

Большинство учителей старшей школы знали Цзян Чэня, многие из них преподавали ему, но были и те, кто почти не общался с ним. Увидев, как он вошёл и сел, не проявляя ни робости, ни высокомерия, но с достоинством и вежливостью, многие учителя прониклись к нему симпатией.

Директор также улыбнулся, похлопал Цзян Чэня по руке и сказал:

— Садись.

Когда он сел, директор взглянул на папку в его руках и спросил:

— Что это?

Не дожидаясь ответа Цзян Чэня, Фу Цзиньюй сказал:

— Это те самые экзаменационные листы, которые учитель Чжан якобы потерял. Я велел Цзян Чэню принести их.

Учителя в зале перевели взгляды на папку перед Цзян Чэнем, их взгляды, скользнув мимо Чжан Цзяня, стали выразительными.

Чжан Цзянь покраснел до багрового оттенка. Сунь Тэньюнь бросил на него взгляд, призывая сохранять спокойствие, и, держа в руках чашку с чаем, произнёс:

— Цзян, мы вызвали тебя сюда, чтобы обсудить тот случай на экзамене, когда учитель Чжан потерял листы и случайно обвинил тебя. Тогда он поступил неправильно, а ты тоже был слишком эмоционален и публично обвинил учителя. Обе стороны допустили ошибки, поэтому мы считаем, что это дело нужно замять. Ты и учитель Чжан извинитесь друг перед другом. Как говорится, учитель — это как второй отец, так что, может, вы оба сделаете шаг навстречу?

После слов Сунь Тэньюня выражения лиц учителей изменились.

Какая наглость!

Но, учитывая его положение заместителя директора, даже те, кто возмущался, лишь обменялись взглядами, сочувствуя Цзян Чэню, которого оклеветали, а теперь заставляют извиняться.

В этот момент большинство учителей, включая директора и Фу Цзиньюя, не ожидали, что Цзян Чэнь откажется от предложения Сунь Тэньюня. В конце концов, как говорится, вышестоящий всегда прав, а Сунь Тэньюнь для Цзян Чэня был не только заместителем директора, но и старшим, чьё давление было очевидным.

<http://bllate.org/book/16728/1538345>